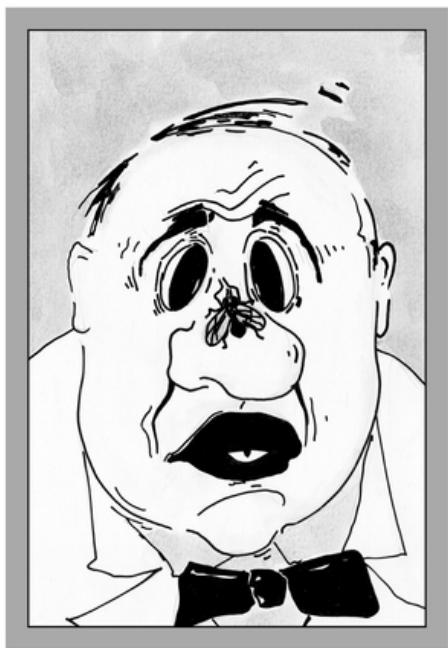

Владимир Дэс

Как убить муху

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Как убить муху (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816490

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Как убить муху
2. Гость президента
3. Зиндан
4. Зубы из Америки
5. Награда
6. Неоплаченный ужин
7. Окно, как фактор слабоумия
8. Пиджак по ленд-лизу
9. Пиджак по ленд-лизу (продолжение)
10. Посещение рыцарского замка
11. Пробка
12. Прыжок
13. Пуля

Содержание

Как убить муху	5
Гость президента	8
Зиндан	12
Зубы из Америки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Дэс

Как убить муху (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Как убить муху

Меня так раздражала эта муха, что я решил ее убить.

Я купил пистолет и стал в нее целиться.

Это только кажется, что муха глупая, что она подолгу ползает и подолгу сидит на какой-нибудь капле варенья, ничего при этом не соображая и не понимая.

На самом-то деле муха – тварь умная. Она сразу чувствует, когда ее собираются убить.

Вот она проползла по столу, даже задом ко мне повернулась. Вроде бы и не подозревает, что я в нее целюсь. Будто бы внимания не обращает, что я левый глаз прищурил, а правым поймал ее волосатое тельце в прорезь прицела.

Но только я задержал дыхание, только собрался нажать на курок, она – вжик! – улетела.

Стрельнуть-то я успел, но не попал. Пуля срикошетила от столешницы, разнесла вазу вдребезги увязла в стене.

Муха долго летала. Я пытался поймать ее на мушку, но никак. Она выделявала такие виражи и кульбиты, что я только диву давался.

Понятно, что весь этот высший пилотаж был ради того, чтобы поиздеваться надо мной.

Как только я опустил пистолет, она – раз! – села на антенну телевизора, причем на самый кончик.

Я опять поднял пистолет и прицелился.

Муха сидела, повернувшись ко мне боком, и лапками голову себе наглаживала, словно говоря: «Целься, целься, я не возражаю. Можешь даже стрельнуть. Ты же видишь – умываюсь».

Я плавно нажал спуск, ощутил, как боек сорвался с места и понесся к капсулю. И в этот самый момент муха взлетела. Но выстрел не остановишь. Грохот – и пуля, сбив усик антенны, врезалась в оконную раму.

Муха же, будто и не в нее стреляли, опять принялась носиться по комнате.

Вне себя от такого свинства, я попытался сбить ее на лету. Но выстрелами только разнес два плафона на люстре.

И муха поняла, что я не настроен шутить. Она долго-долго летала и устав, наконец, села на фотопортрет моей тещи, украшавший стену.

Сердце сладко заныло. Неужто повезет одним выстрелом муху убить и прострелить портрет нежно любимой тещи? Один выстрел – два удовольствия! Но не тут-то было: хитрая муха переползла со лба тещи на глаз и, едва я со сладостным чувством нажал на курок, перелетела на портрет дедушки. Ему она села на нос.

В деда я стрелять не мог. Его я всегда любил и уважал. А она, как назло, не улетала. Ползала по фотографии туда-сюда, туда-сюда, даже коготки в нескольких местах оставила. Поняла, наверное, что место это свято и неприкосновенно, и надолго там расположилась. Я даже вздремнуть успел.

Когда я очнулся, муха сидела у меня на носу. От такой наглости я едва не задохнулся. Размахнулся, чтобы согнать ее, но вдруг подумал: «Вот тут-то я тебя перехитрю». И тихо встал.

А муха чувствовала себя как дома; с носа переползла на лоб. Я это кожей чувствовал, но видеть, понятно, не мог. И она была уверена, что я ее нипочем не увижу. Но не такой уж я дурак – в доме зеркало есть. Я тихо-тихо подошел к нему. Муха спокойно ползала по моему лбу, резонно полагая, что обретается вне пределов досягаемости. Она и не подозревала, что я все видел самым наилучшим образом.

Наконец она сползла к правому виску и, запутавшись в волосах, приостановилась.

Вот тут-то я быстро поднял пистолет и моментально выстрелил.

Паф!

И мухи нет...

Гость президента

В лихие 90-е я помимо культуры занимался довольно крупным бизнесом, связанным с продвижением одного вида продукции на мусульманский рынок. С этой целью я по гостевой визе вылетел в Азербайджан. Мой друг договорился о встрече с президентом. В Баку меня встречал помощник президента и отвез в гостиницу. Где-то в час мне кто-то позвонил и сказал, что встреча с президентом состоится в пятнадцать ноль-ноль и поэтому за мной заедут в два часа. В два я вышел и сел в машину. Машина помчалась вдоль длинных каменных заборов, затем, неожиданно свернув, прошмыгнула в какие-то открытые ворота. Меня вытолкнули из машины. Во дворе стоял бородатый сердитый мужчина.

– А где президент? – удивился я.

Мне ткнули в бок пистолетом. Стало понятно, что президента не будет. Бородач низким, властным и усталым голосом спросил меня:

– А скажи, дарагой, кто может за тебя заплатить деньги?

– Какие деньги? – поперхнулся я. – Вы, очевидно, меня с кем-то перепутали.

– Мы никогда ничего не путаем, дорогой, – и он кивнул своим нукерам. Те посадили меня на бревно. Человек в черной маске поднял топор. И, кровожадно глядя на меня, стал покачивать его из стороны в сторону.

У меня мурашки пробежали по телу. Напротив стоял штатив с видеокамерой. Бородатый сказал:

– Проси, дорогой, чтобы за тебя заплатили. Хорошо проси.

– Кого просить? – не понял я. И оглянулся вокруг.

Хмурые люди вокруг меня не изъявляли никакого желания что-либо платить за меня. Скорее наоборот.

– Ты в камеру проси. В камеру, дорогой.

Я обернулся к камере. Потом к бородачу.

– Извините, так и не понял, что просить и у кого.

Бородач шевельнул пальцем. Кто-то сзади вlepил мне в ухо, и я кубарем слетел с бревна. Подбежавшие нукеры стали яростно меня пинать. Переломав мне половину ребер, они остановились и опять посадили на бревно перед камерой. Теперь мне все стало ясно. Я открыл глаза и стал просить. Когда замолчал, Бородатый опять шевельнул пальцем. Лучше бы я не замолкал. Тот, в маске с топором, схватил мою правую руку, и не успел я моргнуть глазом, как он оттяпал мне указательный палец. Это было столько неожиданно, что я даже вначале ничего не понял.

И только когда палец упал на землю в пыль, боль дошла до моего сознания. Вот тут-то я завыл, вот тут-то закрутился. Вот тут-то слезы, кровь. Вот тут-то они меня и снимали.

Я представляю, какой был финал этого короткометражного фильма. Через какое-то время меня, даже не перевязав, поволокли в курятник. Там, отодвинув корыто, сброси-

ли в зиндан. От боли и неизвестности через какое-то время я, осоловев, забылся в этой вонючей яме. Разбудил меня страшный шум наверху. Несколько раз грохнуло. Затем зазвучали выстрелы. Потом еще раз громынуло, и все затихло. Потом кто-то отодвинул корыто и откинул люк.

В мое вонючее жилище скользнул луч фонарика. Меня назвали по имени. Протянули руки. Когда я вышел из курятника во двор, моим глазам предстала ужасная картина.

По двору, разбросанные невидимой силой, валялись в разных позах мои похитители. Судя по их окровавленным телам, они были не совсем живы. А их бородатый командир вообще почему-то лежал без ног. Ноги валялись рядом, у небольшой, но глубокой воронки. Среди множества людей в камуфляжной форме, возбужденно перемещающихся по двору, я заметил встречавшего меня в бакинском аэропорту представителя президента. Он, улыбаясь, шел ко мне, широко расставив руки.

– Дарагой. Жив. Здоров. Слава Аллаху.

Слава не слава, но я ему сразу показал, что у меня осталось от указательного пальца. Он поцокал языком и заверил, что их гениальные врачи пришьют другой, «новый будет лучше старого». Когда мы уже ехали в «мерседесе», я поделился с моим освободителем своими мыслями.

– Понимаешь, Мамед, после того, как мне отрубили палец, я уже думал, что мне конец.

– Как ты можешь так говорить, дарагой? – неподдельно

возмутился мой собеседник. – Ты не просто гость в нашей стране. Ты – гость Президента. Когда ты не прибыл на аудиенцию во дворец, Президент вызвал министра КГБ, министра внутренних дел, министра вооруженных сил, начальника президентской гвардии, начальника своей охраны и спросил их: «Где мой гость?» И когда они промолчали, он спросил еще раз: «Где гость вашего Президента?» После этого он дал им двадцать четыре часа, чтобы ты был у него живой и здоровый. Так что мы сейчас тебя подлечим, умоем, побреем – у нас еще есть четыре часа, – и к Президенту. Он тебя ждет.

Мамед улыбнулся мне и добавил:

– Вот так, дарагой, ты же гость Президента.

Зиндан

1

В своей беспокойной жизни мы с Константином встречали много разных негодяев и мошенников. И мнение, что люди этих профессий умные и изворотливые, ошибочно.

Нет.

Как правило, это абсолютно тупые и ограниченные люди. И если, понимая это, создавать обстоятельства, выходящие за рамки их умственного развития, с ними очень просто можно сделать то же, что они пытаются делать со своими несчастными жертвами.

Я вспоминаю одну нашу операцию, проведенную с таким изяществом и пользой у меня округляется живот и лоснятся губы.

На этот раз идею выдал Константин.

Мы совершенно случайно застряли на северо-востоке нашей страны.

Купились на слухи о том, что там каждый второй житель – нефтяной магнат. А всем давно известно, что нефтяные магнаты страх как любят попариться. Значит на далеком Севере полно саун, а париться в них нечем. Березы-то на севере не растут, поэтому веников березовых нет. Мы и при-

¹ Зиндан – временная «гостиница» для похищенных людей.

ташили в Нарьян-Мар целый вагон березовых веников для саун богатых нефтяников. А оказалось, что саун здесь всего две, да и то финские, а сами нефтяные магнаты живут в Москве и руководят из своих шикарных офисов отеля «Редиссон», а местные аборигены вообще не знают, что такое баня. Они даже не моются, а просто натирают тюленьим жиром все свое тело, и так ходят до следующего сезона охоты на тюленя. Поэтому, чтобы продать им веники, необходимо сначала построить им бани, потом научить их в них париться, вбивая при этом им в головы, что хлестать себя веником при стоградусной жаре полезнее, чем натирать тело тюленьим жиром при комнатной температуре.

В общем, решив все же не гробить свою жизнь на приобретение оленеводов к банному делу, мы отказались от этого прибыльного бизнеса и продали веники оптом на корм для оленей.

Вырученных денег нам только-только хватило на обратный путь до столицы.

Вот тут-то Константин и сказал:

– Послушай, шеф, – так он звал меня, – мы с тобой работаем уже много лет без сна и покоя. А не отдохнуть ли нам?

– Как ты говоришь, Костик, «отдохнуть»?

– Конечно. Поесть шашлычка, попить винца солнечной Грузии.

– Ты что, приглашаешь меня в Грузию?

– Зачем в Грузию. Мы поедем с тобой в Москву, а там

некоторые ребята устроят нам и Грузию, и Армению, и Абхазию, и Аджарию, а самое главное, Черное море.

Я с опаской посмотрел на своего компаньона. Может, он обнюхался тюленьего жира, когда соблазнял жен местных оленеводов. А может, одурел от здешних морозов в болоньевом плаще. И на всякий случай я спросил его об этом.

– Да нет, шеф. Просто у меня созрел план, от которого ты не сумеешь отказаться.

Идея была настолько красива, что я сразу согласился. Тем более, что те люди, которые должны были попасть в нашу хитроумную комбинацию, занимались самым грязным видом преступления – похищением людей.

Константин решил наказать хотя бы одну такую группировку.

Я полностью одобрил его план, но задал один вопрос:

– А если бить будут?

– Не будут.

– Почему? – удивился я. – Обычно бьют.

– Деньги, шеф. И не просто деньги, а большие деньги, огромные деньги. Тут не то что бить, а на руках носить будут.

«Что ж, – подумал я, – наверное, он прав».

Пока добирались до Москвы, мы полностью расписали план и оговорили свои роли в этом рискованном «отдыхе».

Константин еще по прошлой своей жизни у перекрестков знал одну такую кучку подлецов.

Сами они базировались под Сочи в одном из курортных поселков. А людей крали по всей стране, но в основном в столице. За большую удачу считали похищение иностранца. У них были свои люди в Московском аэропорту и в Адлеровском, так что вопросов с переправкой людей из столицы в Сочи у них не было.

Все решали деньги.

Константин же знал их наводчика, проживающего в Москве.

По прибытии в Москву из «солнечного» Нарьян-Мара после недельной подготовки мы с Константином стали братьями.

Нет, не по жизни, а по-настоящему.

Константин стал Сэмом Бризбергом, а я Ником Бризбергом – детьми Ника Бризберга-старшего, владельца ста шестнадцати алмазных рудников на Южно-Африканском побережье.

Совершенно случайно в почтовый ящик московского наводчика попал журнал «Кто есть кто», где подробно описывалось состояние и количество недвижимости Ника Бризберга-старшего, самого богатого «алмазного короля», у которого два прямых наследника – его сыновья Сэм и Ник-младший.

Там же сообщалось, что этот самый Бризберг-старший желает прибыть со своими сыновьями в Москву.

Эти Бризберги могут себе позволить ездить куда угодно,

так как их состояние оценивается в пятьсот миллионов американских долларов. Отец, правда, еще не вылетел из Лондона, где находится их родовой замок, а вот его отпрыски уже прибыли в российскую столицу и без папаши весьма весело проводят время в Москве, развлекаясь в ночных клубах и казино.

Кстати сообщалось, что в пятницу они будут присутствовать при открытии нового казино «Кавказский пленник» на углу Неглинной и Прохоровки.

Этот самый наводчик, когда прочитал все это, аж затрясся от жадности – такие деньги, такие клиенты.

В пятницу в «Кавказском пленнике» мы с Сэмом так набрались, что нас без проблем похитили.

Сонных погрузили в машину и увезли в неизвестном направлении.

Проснулись, а вернее, очнулись мы в светлой комнате без мебели, но на матрасах с чистыми простынями.

В голове у меня» по правде сказать, шумело.

«Наверное, подсыпали в вино какой-нибудь гадости», – решил я.

У Константина, то есть у Сэма голова была тоже не совсем в порядке.

Я поднялся. Подошел к окну.

Окно было закрыто на ставни.

Рядом с кроватями две двери.

Открыл.

Заглянул.

За одной дверью – ванная комната.

За другой – туалет.

Причем в обеих комнатах было все в комплекте. Даже две новые зубные щетки.

Я удивился.

Сэм, то есть Константин нисколько.

Третья дверь была заперта.

После того, как мы с братом как бы уже проснулись по-настоящему, стали громко удивляться на чистом англо-костромском наречии, куда это мы попали.

– Сэм, ты понимай где мы?

– Ник, я, конечно, незнай-понимай.

И как будто удивленные, мы заходили по комнате из угла в угол.

Наконец дверь открылась и к нам вошел человек звериной наружности. При этом его лицо пыталось источать доброжелательность.

– Господа, не волнуйтесь. Чувствуйте себя как дома.

– Моя твоя не понимай. Мой голов бум-бум, – выдал ему

Сэм.

А Ник, то есть я, добавил:

– Мой голов тоже бум-бум.

– Ай момент. Ай момент. Сейчас поправим, Закусон. Выпивон. Сейчас все организуем. А вы пока умойтесь, приче-

шитесь. Буль-буль. – И он открыл дверь в ванную комнату, как бы приглашая нас туда.

– О, буль-буль – это карашо, – согласился Сэм и смело нырнул под душ.

Наш пришелец, убедившись, что мы что-то поняли, исчез.

Умывшись, причесавшись, мы толкнули третью дверь из нашей комнаты, которая уже была открыта, и смело шагнули в стан кровожадных похитителей.

За дверью оказалась большая столовая.

Камин.

Огромный стол, уставленный яствами и бутылками с вином.

Во главе стола сидел грозного вида мужчина.

Жестом он пригласил нас к столу.

Мы сели, выпили. Потом закусили.

Скрипнула дверь, и вошёл какой-то щупленький человек в очёчках и сходу заговорил на чистом английском.

Я поморщился и обратился к нашему грозному сотрапезнику:

– Ноу, ноу, ми корош разговаривайт по рашен. Ми учили рашен в Горвард университет.

– Я, я, – подтвердил Сэм.

Движением руки переводчик был отпущен.

Хозяин отложил в сторону салфетку и взял со стола наши южно-африканские паспорта.

– Ник Бризберг, – прочитал он.

– Литл, – добавил я, а затем встал и поклонился.

– «Литл» – это значит «младший», – уточнил хозяин.

– Иес, – подтвердил я.

– Сэм Бризберг, – взглянул он на Сэма.

– Иес, – встал и поклонился Сэм.

– Касим, – представился он сам и тоже встал, но нам не поклонился.

«Варвары, безкультурье», – подумал я. – Ник Бризберг-младший.

– Ну. Что ребята. Вы, наверное, поняли, что вы у меня в гостях.

Мы как бы радостно закивали:

– Иес, иес, это карашо.

– Ну, вот видите. Я рад, что вам это по душе. Но пребывание у меня стоит очень-очень дорого.

– Почём «дорого»?

Он задумался, как бы подсчитывая что-то в уме, и наконец объявил:

– Пять миллионов долларов.

– Пиать миллионов? – охнули мы.

– Пять миллионов, – подтвердил он.

– Ноу, мой домой.

Я встал и, выдернув салфетку из-за ворота своей рубашки, решительно бросил её на хрустальную сервировку стола.

Один фужер упал. Вино из него разлилось огромным кровавым пятном по белоснежной скатерти стола.

Мы с Сэмом с ужасом уставились на это знамение.

Касим взял в свою огромную волосатую руку нож и, воткнув его в край этого кровавого пятна, спросил ещё раз:

– Вы отказываетесь быть моими гостями?

– Иес, – сказал я.

– Иес, – подтвердил Сэм. – Нас обижай такой маленький сумм.

– Иес, – шаркнул ногой я, то есть Ник.

– Ви нас обижай. Мы любим отдыхай в гостях очень дорог.

Волосатый Касим, который только что был готов разорвать нас на куски за наш отказ, наконец спроецировал в своей тупой голове, что нас не устраивает сумма так называемого «оплачиваемого гостеприимства», причем не в сторону уменьшения, а в сторону увеличения.

Руки его затряслись: неужели такая удача сама лезет к нему в лапы.

Он расстегнул ворот рубахи и выдавил, заикаясь:

– А сколько вы хотите?

– Ну, – задумчиво сказал Сэм, – корош отдыхай в гостях это...

– Это, – добавил я, – миллионов пятидесят.

– Сколько? – пошатнулся громила.

Мы переглянулись.

– Семдэсат, – уточнил Сэм.

– Американских? – уточнил уже Касим.

– Иес, – закивали мы.

– Зеленых?

– Иес, – удивленно пожали мы плечами.

– Согласен, – подал нам лапу Касим.

– Соглашейн, – обрадованно захлопали мы по его руке своими миллионерскими ладошками.

Сэм тут же позвонил в Лондон.

Ответил управляющий Лондонским филиалом папиного алмазного банка. Сэм на чистом южно-африканском диалекте объяснил ему, что он и я остановились на отдых у нашего замечательного друга в России, и отдых этот стоит сущие пустяки для таких богатых людей, как мы, наследных детей Ника Бризберга-старшего, владельца ста шестнадцати алмазных рудников.

– Ста пятидесяти шести, – уточнил управляющий филиалом банка. – В ваше отсутствие отец Ник Бризберг-старший купил еще сорок алмазных рудников на Огненной Земле.

Это сообщение очень обрадовало Касима. Он тут же позвал своих собратьев и сообщил им это приятное известие. На нас же оно не произвело никакого впечатления. Мы давно привыкли к таким выкрутасам папы.

Далее мы потребовали, чтобы немедленно подготовили семьдесят миллионов долларов США наличными и переправили нам сюда, в место нашего гостеприимного отдыха.

– Слушаюсь, господа, – ответил управляющий. – Все будет исполнено. В течение двадцати дней деньги будут по адресу, который вы укажете.

Этот однозначный четкий ответ вызвал вопль радости у наших новых «друзей». Кое-кто из них начал даже приплясывать.

После столь замечательного телефонного разговора с Лондоном мы уже совсем дружной компанией сели за стол.

Начался пир и запланированный нами отдых.

Гуляли два дня.

На третий мы изъявили желание поплавать в море, и нас charterным рейсом на самолете переправили в Сочи, а из аэропорта эскортом доставили в богатый поселок на самом берегу моря в окрестностях Сочи. Все жители от мала до велика вышли встречать нас и Касима, как самых дорогих гостей. Как выяснилось, причины тому были. Они уже заранее были оповещены Касимом о нашем богатстве и сумме, предложенной нами за «отдых». Поэтому наши деньги уже заочно были разделены между всеми семьями этого замечательного селения. От этого и радости было много. Оказывается, все они здесь были родственниками и жили тем, что к ним в поселок привозили «погостить» похищенных людей. Дела их шли, как говорится, не плохо, поэтому жили они, я вам скажу, не бедно. При этом в каждом доме было по отличной «зиндановской гостинице», комфортабельность номера в которой зависела от «стоимости гостя».

Некоторые из пленников, как и мы с Сэмом, пили марочное вино и ели нежнейший шашлык, но многие сидели в темных сырых ямах на хлебе и воде.

И что самое главное, никто из этих замечательных жизнерадостных жителей поселка не испытывал от такого бизнеса угрызений совести. Все они считали похищения и последующие выкупы людей самым обыденным делом, как хлебоборок считает пахоту и уборку хлеба милостью, данную ему Богом.

Я и Сэм оказались на особом положении. Таких «дорогих гостей» у них никогда не было. Нам выделили отдельный коттедж, вооруженную охрану и кучу слуг и прислужниц. В знак особого внимания нам даже показали остальных «отдыхающих».

Сэм сразу скривил уже лоснящиеся от шашлыков и фиников губы.

– Фу, это что, рабы?

– Это тоже наши гости, но более бедные, чем вы.

– Я их есть покупай, – допив огромный рог с «киндзмарули», вдруг заявил Сэм. – Сиколько?

Это заявление застало все племя похитителей врасплох. Но оно было настолько выгодным, что наши гостеприимные хозяева тут же устроили сход.

Это сельское «вече» было довольно шумным и даже с небольшим рукоприкладством.

Но верх одержали те слои племени, у которых было только по два «мерседеса» и по три коттеджа, а хотелось больше, и не когда-то, а сразу и сейчас. Поэтому большинством и порешили продать всех узников нам, алмазным мультимиллионерам.

С нас попросили за мужчин по пятьсот тысяч, за женщин по сто тысяч и за детей по миллиону долларов.

Мы удивились:

– Зачем так дешево?

– Опт, – ответили нам старейшины.

Мы с Сэмом дали вдвое больше.

Правда, только пообещали дать. Но слово алмазных королей это закон. Об этом все знают, тем более наши партнеры по работорговле.

Всех пленников тут же отправили по домам. Кто жил рядом, отвезли на машинах, кто подальше, отправили самолетами.

По такому случаю в поселке начался большой праздник. Даже пригласили гостей из соседнего села, жители которого специализировались на изготовлении фальшивых долларов.

Узнав об этом, я посоветовал соседям лучше изготавливать фальшивые алмазы из пивных кружек: и дешевле, и быстрее реализуются, да и прибыль не соизмерима. Даже показал, как это делается, разбив пару кружек и сделав из осколков с помощью обыкновенного красного кирпича прекрасную диадему, которую и подарил тут же местной красавице.

Но когда Сэм шепнул, что мои уроки вызвали у соседских жуликов сильное подозрение в моем аристократическом происхождении, мне пришлось тут же сочинить историю о том, что наш папа начинал сколачивать свое состо-

вание с огранки алмазов собственными руками. А тренировался он, будучи еще очень бедным, в своей темной лачуге под Бруклинским мостом на юго-западе Лондона и именно на осколках от пивных кружек.

Это немного сняло напряжение.

Но по утрам пришлось опять звонить в наш алмазный банк в Лондоне и подтверждать сумму оплаты за замечательный отдых и выкупленных «рабов».

– О'кей, – ответил управляющий и дополнительно сообщил, что наш отец волнуется, где и как отдыхают его бесценные чада, и долго ли они будут отсутствовать, он купил часть Арктики и сейчас создает новую компанию по строительству шахты на Южном полюсе, где по предсказанию друга отца – Геллера – глубоко подо льдами находятся сказочные залежи чистых изумрудов с объемом добычи примерно в шестьсот триллионов долларов США.

После этого ошеломляющего сообщения все жители поселка стали шумно обсуждать новые возможности обогащения семьи Бризбергов. Пока обсуждали, Сэму позвонил сам папа – Ник Бризберг-старший – и попросил нас, если уж мы застряли в снегах России, найти там пару приличных компаньонов для сотрудничества по реализации его нового Арктического изумрудного проекта.

Сэм ответил:

– Папа, вы чито, оболтели? Откута в этом стране богатый человеки?

Папа очень рассердился на эти слова и велел нам поменьше гулять и побольше работать. На этом бросил трубку своего знаменитого мобильного телефона, вырезанного целиком из крупного бриллианта.

После такого папиного назидания Сэм и я сели в сторонку от наших гостеприимных хозяев и стали думать, как нам сделать так, чтобы наш уважаемый отец перестал на нас сердиться.

Мы как бы не замечали, как некоторые представители села, тихо сидевшие под столом, тщательно впитывали в свои уши все то, о чем мы говорили.

А говорили мы на ломаном англо-русском, отвыкнув от чистого южно-африканского.

– Иес, Сэм.

– Иес, Ник.

– Чито будь делай?

– Низнавай.

– Может, позвонит Абу Ба Би Киле – шейху южной Аман?

– Ноу, шейх купил новый партий жен и у него нет и миллиарда.

И мы, опечаленные, пошли спать.

Всю ночь село гудело, как растревоженный улей. А по утрам, когда мы проснулись, перед нашим домом собралась огромная толпа. Стоял огромный стол, накрытый красивым ковром, за которым сидел Касим.

Когда мы вышли на балкон, Касим встал.

Он поклонился нам.

Ничего не поняв, мы тоже поклонились ему.

Он обвел рукой своих сородичей и торжественно сказал:

– Мы согласны.

– На что вы соглашаетесь? – спросил полусонный Сэм.

– Мы согласны, – еще раз объявил Касим, – стать партнерами вашего многоуважаемого отца Бризберга-старшего.

От этих слов Касима вид у нас стал совсем бестолковый.

Но, выпив стаканчик легкого местного вина и закусив черной икрой, мы проснулись окончательно и спустились с балкона вниз.

Касим, сняв каракулевую папаху, вытер пот со лба, сел за стол и жестом пригласил нас к нему.

Мы сели.

Касим стал нам объяснять, что он и его родственники хотели бы стать партнерами нашего многоуважаемого отца по изумрудному бизнесу в Арктике.

Я посмотрел на Касима, потом на Сэма и покрутил пальцем у своего виска.

Касим покраснел, как помидор.

Сэм, видя такую реакцию потенциального партнера, решил смягчить ситуацию.

– Наш папа, если у паритиниора мал мала чем полу-миллиарда, то он и слухат не хочет о такой паритиниор.

– Иес, – подтвердил я и для убедительности покрутил еще раз у своего виска. – Наш папа поглупался на алмазах.

– Когда их много, можно и «поглупаться», – Прохрипел Касим. – Ваш многоуважаемый отец, конечно, великий человек, но и мы считать денежки умеем.

– Читать? – переспросил я.

– Не читать, а считать, – и он достал калькулятор. – Вы нам за наше гостеприимство должны на сегодняшний день сто шестьдесят два миллиона долларов. За сто сорок вы выкупили у нас всех узников. Итого – триста. А пару сотен миллионов мы найдем и у нас в поселке – сбережения нашего рода на черный день.

Сэм после этой речи Касима вопросительно посмотрел на меня.

Я на Сэма.

– В какой банк ваш капитал?

– В хорошей банке, не беспокойтесь.

И нас повели показывать «сбережения рода на черный день».

Глубоко под землей в пещере на стеллажах в трех литровых банках, закрученных крышками, как при консервировании огурцов, лежали плотно упакованные пачки стодолларовых купюр.

– И сколько здесь? – хрипло спросил Сэм.

– Двести миллионов долларов. Десять лет зарабатывал весь наш род тяжелым трудом. Это ведь очень тяжело – приглашать людей к себе в гости, а потом выбивать за это деньги.

– Что такой «выбивай»?

– Это так мы говорим, когда получаем деньги.

– И ви желай, чтобы ми «выбивай» ваш доллар?

– Иес, – радостно закивал Касим.

Я посмотрел на Сэма.

Сэм на меня.

И Сэм, протянув руку Касиму, сказал:

– Ты честный выбивал, и ми говорить папа, что вы надежн паритиниор.

А я, похлопав Касима по плечу, добавил:

– Считай, что ты уже имей изумруд из папин шахта.

– Не папин, – уточнил Касим, – а нашей общей шахты.

И, засмеявшись, добавил:

– О’кей.

– О’кей! – засмеялись и мы.

Несколько дней ушло на составление документов. Мы сотни раз обменивались факсами то с Лондоном, то с папой. Наконец нам удалось убедить его, что огромная семья, в лице Касима, это надежные партнеры. Никакого криминала. Просто у Касима и его поселка такой бизнес – высокооплачиваемое гостеприимство.

– Это чито, новый вид бизнес? – уточнял Ник-старший.

– Не сказать, чтобы новый, даже, пожалуй, очень старый, только с использованием новых технологий в виде скотчей и самолетов, – пояснил Касим.

Папа, как услышал про новые технологии, так сразу успо-

коился и дал согласие на партнерство.

Два дня мы всем селом отмечали это событие. Вино лилось рекой, барашки жарились уже целиком. Целиком и съедались.

Наконец и я, и Константин стали немного уставать от такого бурного и обильного отдыха. Благо, этот отдых, по нашему утвержденному плану, стал подходить к концу.

Теперь надо было решить задачу, как доставить двести миллионов долларов Нику Бризбергу-старшему.

Они почему-то были «черные», хотя ни я, ни Сэм, как ни осматривали эти зеленодолларовые бумажки, никакой черноты в них не увидели.

Но, на всякий случай, раз они «черные», решили, что мы с Сэмом перебросим их в Южную Африку по дипломатическим каналам.

Их упакуют в два контейнера и отправят морским путем в столицу Южно-Африканской республики.

Касим как услышал, что пора расставаться с такими деньгами, вновь стал подозрительным. Тогда Сэм позвонил отцу, посоветовался с ним и после этого сообщил, что Бризберг-старший дал согласие на то, чтобы все мужское население, начиная с восемнадцати лет, могло следовать вместе с их дорогим грузом. А по прибытии в Преторию каждый будет назначен управляющим отдельной алмазной шахтой. Причем с ежемесячным окладом в пятьсот тысяч южно-африканских долларов. По желанию зарплату могут выдавать

алмазами – по два мешка в год.

Это сообщение вызвало фурор среди наших будущих партнеров. Всю подозрительность как рукой сняло.

С этой минуты сбылось пророчество Константина и нас стали всюду носить только на руках, даже в туалет.

Через неделю контейнеры с деньгами и будущими управляющими во главе с Касимом отправились в дальнейшее плавание через экватор.

Мы с Сэмом долго стояли на пирсе грузового порта и махали вслед удаляющемуся контейнеровозу. Затем простились с женским населением гостеприимного поселка. Причем прощание затянулось на три дня и три ночи. По настоянию Сэма зачем-то заглянули в соседнее село к фальшивомонетчикам. попрощались с ними и убыли в Лондон, который оказался в Калининграде.

Причем сколько я ни пытал Сэма, при посадке в самолет ставшего как прежде Константином, для чего мы заезжали к фальшивомонетчикам, он только загадочно улыбался, но ничего не объяснял. И уже тогда я почувствовал, что эта история закончится не только одним отдыхом.

Из аэропорта мы проехали на дачу нашего давнего друга – начфина Краснознаменного Балтийского флота. От него позвонили в Лондон и сообщили нашим партнерам, что операция завершена и пора «сматывать удочки». Затем, погревшись в сауне, мы перекусили и отправились прогуляться по городу. Я в форме адмирала, Константин в форме капитана

второго ранга.

В конце прогулки Константин почему-то решил заехать в порт.

Там он зашел в контору грузовых перевозок и вышел с какими-то бумагами в руках.

– Пойдем, – сказал он мне загадочно.

Мы прошли на склад морских контейнеров.

Там Константин, немного поплутав, остановился у одного контейнера. Обошел его кругом и ласково погладил ладонью.

У меня зародились подозрения. Я вспомнил посещение и его долгие беседы с фальшивомонетчиками из соседнего поселка.

– Ты что, увел у Касима контейнеры?

– Нет, конечно, – улыбнулся Сэм. – Их увели соседи-фальшивомонетчики. Даже не увели, а подменили незаметно и профессионально. Вообще у них в каждом из сел много очень талантливых людей. Так что Касим со своей командой убыл за экватор с фальшивыми деньгами. А настоящие – вот они, здесь.

Я был восхищен, но не подал вида и, обойдя контейнер, задал все-таки вопрос кавторангу:

– А почему только один контейнер?

– Ну, адмирал, сделка-то была честной. Один им, один нам.

«Моя школа», – гордо подумал я, а в слух сказал:

– Надеюсь, что у тебя есть соображения, как получить и второй контейнер.

– Конечно. Я думаю, что фальшивомонетчикам ни к чему настоящие деньги. Могут утратить квалификацию.

– И это правильно. К тому же ты знаешь, какой ущерб государству наносят люди, изготавливающие фальшивые деньги?

– Нет, – честно ответил мой партнёр.

– Пойдём, кавторанг, – махнул я ему рукой, – адмирал расскажет тебе об это...

Зубы из Америки

То, что произошло со мной тогда на концерте, было так неожиданно, так неожиданно, так ужасно, что я до сих пор не могу прийти в себя.

Это был первый мой концерт после возвращения из-за границы. Целых шесть месяцев я, солист академического хора «Русская народная песня» солировал на сценах стран Центральной и Северной Америк. Успех был феноменальный.

Заработал кучу денег.

Я высокий – метр семьдесят восемь, красивый – женщины от меня без ума, одет, как король: шитый золотом кафтан, красные шаровары в сапоги и сами сапоги – лаковые, высокие, блестящие. Но, самое главное, мой тенор так подходил к нашим русским народным песням, что меня не только провозжали, но и встречали криками «браво».

И все было бы прекрасно, если бы не мои зубы. От кого из предков достались они мне такие слабые и хилые, один бог знает.

Мучился я с ними всю свою сознательную жизнь: и сверлили их мне, и дергали, и заговаривали, и обтачивали, но они раз за разом напоминали, что в организме у меня есть довольно ветвистая нервная система.

А тут, в Америке, с зубами вроде моих расправлялись так

лихо и умело, что мы, русские, беззубые, просто диву давались: вырывали все тридцать два мучителя из челюстей и на их место вставляли сушее чудо, чья белизна и крепость доводили нас до черной зависти.

Смотришь на этих американцев, на их улыбки и их ровные зубы, и поневоле хочется иметь такое же у себя во рту.

Но между желанием и его исполнением лежат, как правило, во-первых, некий отрезок времени – с этим еще можно мириться, если он не длиннее твоей жизни, – а во-вторых, как неизбежный спутник первого условия – деньги, деньжата: рублики, тугрики, доллары, франки, марки...

Завидовал я, завидовал счастливым белозубым американцам и наконец надумал. Все же я заработал приличные деньги, так что ж, не могу себе позволить зубы заиметь?

Еще две недели ходил, сомневался: делать зубы – не делать зубы? Тратить деньги – не тратить деньги? Советовался со всеми: и с хормейстером, и с администратором, и с басами из хора. Одни говорили: вставляй, другие: не траться, лучше просто купи вставные.

Так бы я ничего и не решил, если бы вдруг не заболел правый нижний зуб мудрости.

Покрутился я волчком по номеру, помучился на сцене и решил: черт с ними, с долларами, вставлю, авось, не помру под наркозом.

Связался с одной уважаемой стоматологической клиникой, встретился с их агентом, договорился о цене. Внес

аванс, дождался выходных – и на экзекуцию.

Клиника – сама стерильность. Персонал – сплошные улыбки. И зубы. Такие, скажу я вам, зубы! Сказка, а не зубы.

Тут я совсем уверился: правильно решил!

Посмотрели они мне в рот – энтузиазм их несколько угас. Зато резко выросла плата. Но я решился твердо, поэтому соглашался на все. Согласился и на новую цену.

Потом была долгая подготовка и наконец наркоз.

Очнулся – полон рот тампонов, но и кроме них что-то новое.

Через некоторое время мне разрешили открыть рот перед зеркалом.

Я открыл и чуть в обморок не упал: вместо кривых дуплистых зубов у меня во рту сияли истинные бриллианты.

Я даже рот закрыть боялся.

Думал, вот закрою – и это чудо исчезнет. Навсегда.

Для верности я сперва зажмурился.

Закрыв глаза, открыл. Мои новые, мои великолепные зубы были на месте.

Страх стал уходить.

Я решился закрыть рот.

Но тут же открыл снова.

Ничего не изменилось.

Я осмелел: сомкнул губы минут на пять.

Потом снова открыл рот. Правда, при этом закрыл глаза.

А когда открыл, понял, что для меня началась новая

жизнь.

С таким-то ртом и такой-то улыбкой! Ну, держись, народ! Два дня все меня поздравляли.

И даже госпожа Мила, дочь нашего дирижера товарища Васека, как-то загадочно-призывно стала на меня посматривать.

Я щелкнул зубами и зажал ее во время репетиции в углу электрошитовой. Думал, будет брыкаться. Нет. Ничего подобного. Только уцепилась, глупая, за рубильник и на пятнадцать минут обесточила все здание театра. Хорошо еще, я заметил потом, что темно стало, и вернул рубильник на прежнее место. И вовремя, а то уже паника была приличная.

Жизнь моя стала еще прекрасней. Был я всегда весел и всем улыбался. Как это замечательно – всем улыбаться!

Доулыбался я последние дни в Америке. Спел последние песни. Откланялся, отбисировал, и в самолет. Домой, на родину, в Россию.

Странности с моим голосом начались сразу же, едва мы приземлились в Шереметьево. Пограничнику, а затем и таможенной братии я стал объяснять, кто я и зачем везу так много резиновых изделий в одном чемодане, почему-то с легким американским акцентом.

Мои друзья и товарищи по гастролям, еще не подозревая, какая беда прилетела со мной на самолете, подшучивали и подсмеивались надо мной:

– Наш солист со своими зубами совсем обамериканился.

Я вначале не шибко волновался – подумаешь, акцент. С кем не бывает? Все же так долго по Америке болтались, что поневоле привыкнешь к тамошнему говору.

До первого моего концерта мне все нравилось по-прежнему: и мои зубы, и американский акцент в моей речи, и сам я – красивый, улыбчивый и веселый.

И вот я вышел на сцену.

Встретили, как всегда, овацией.

Я степенно этак поклонился.

Обернулся на музыкантов. Те приступили.

Засунул левую руку под кушак, правую широко отвел в сторону и запел:

«Вийду нэ улэщу...»

И тут же оборвал. Музыканты поплыли. Публика обалдела.

Я прокашлялся. Улыбнулся публике нервной, но красивой улыбкой, затем – с улыбкой же – кивнул притихшим музыкантам и приготовился заново.

Музыка. Я плавно отвел руку и опять:

«Вийду нэ улэщу...»

В зале кто-то простодушно засмеялся. Смех этот глупый подхватил один, другой, и через секунду хохотал весь зал.

И даже мои музыканты.

Я был ошеломлен, но понял, что надо смываться.

Часто кланяясь, хватая себя за шею, как бы показывая всем, что у меня с горлом нелады, я попятился со сцены за

кулисы.

За кулисами все ржали, как стоялые жеребцы.

Я убрал свою великолепную улыбку, обложил всех отборным матом – опять-таки с заокеанским акцентом, и пулей вылетел из филармонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.